

Ребенок хныкал, пока Коно раскачивала его взад и вперед.

— Ну разве ты не душка? — Она улыбнулась, и ребенок скорчил рожицу в ответ.

— Он хорошо растет. — Пробормотала Юи. — Дай мне поддержать его?

Когда она взяла ребенка из рук горничной-няньки, Юи удивилась тому, каким тяжелым он стал. За две недели он уже набрал два килограмма, что соответствовало норме для ребенка, находящегося на полном сроке беременности. Ребенок наверстывал упущенное при раннем рождении, и, хотя ему еще многое предстоит впереди, Юи была полна оптимизма и верила, что худшее уже позади.

Она проверила его дыхание: стабильное, в пределах нормы; сердцебиение: немного учащенное, но почти нормальное; мягкие костные пластины на голове: все сформированы правильно.

Целительница передала мальчика обратно Коно, которая быстро закрепила его в перевязи. По необходимости эти две женщины проводили вместе почти каждый день; Юи видела ее чаще, чем леди Хисаё, мать ребенка.

Коно рассеянно поглаживала пушок на голове малыша, пока Юи запечатывала стетоскоп. Тишина была комфортной, порожденная необходимостью, но возвращенная спокойной беседой. Именно от таких разговоров у нее порой болело сердце, и она не знала почему... нет, знала, вспоминала, и тогда становилось трудно дышать.

— Я скучаю по нему. — Сказала Коно, и Юи так удивилась, услышав повторение своих мыслей, что чуть не выронила свиток.

— По кому? — Юи чувствовала, будто сердце колотится где-то в горле.

— Моему сыну. — Сказала Коно непринужденно, так легко, словно обсуждала цвет кимоно. — Он умер три месяца назад, когда ему исполнилась неделя. Лихорадка. — Ее пальцы остановились на основании черепа ребенка. — С тех пор я не разговаривала с мужем. Я уехала, чтобы стать кормилицей леди Хисаё, и у меня не было возможности. — Ее голос задрожал, и она вытерла глаза свободной рукой. — Иногда я держу этого маленького благородного мальчика на руках и думаю, что он мог бы быть моим сыном. Он мог бы быть моим Рёдзи.

— Это трудно. — Слова прозвучали гулко, а глаза Юи защипали. Несмотря на попытки, зрение затуманилось. Эмоции поднялись волной, как муссонная река, и она едва держала голову над водой. Она не знала, откуда это взялось, почему это происходит именно сейчас, и делала дрожащие вдохи, впиваясь ногтями в ладони, чтобы сосредоточиться. Медленно-медленно, она отталкивала поток. Когда Юи моргнула, слёзы не сорвались.

Коно подняла взгляд, и ее глаза распахнулись. Она замешкалась, прикусив губу.

— Ты... — Остановилась она. — Ты...

— Это трудно. — Повторила она. — Но нужно жить дальше.

Дальше они сидели молча, скорбя.

В последнюю неделю Юи в основном оставалась одна. Она разыскала Айко, чтобы отдать оставленные ею лекарства, лечила людей, приходивших к ней в комнату, и дважды видела Хисаё.

Юи мельком видела даже леди Фукуяму, но возмездия, которого она ожидала, так и не последовало. Была ли это долгая игра, попытка подействовать ей на нервы? Если так, то это не сработало.

Ранняя жизнь в условиях почти полного подчинения приучила ее концентрироваться на сиюминутном, и Юи требовалось усилие, которого не было, чтобы вырваться из этого образа мыслей здесь, в незнакомой обстановке.

Лорд Фукуяма отсутствовал, как и Изуна. Она не могла не задаться вопросом, почему господин не пришел повидаться с сыном. Является ли это механизмом преодоления трудностей? Он отдалился, пока выживание ребенка под вопросом? Считал ли он бессмысленным навещать его, когда не мог ничем помочь? Или ему просто всё равно? С другой стороны, отсутствие Изуны было гораздо менее загадочным. Тем не менее, она не могла не почувствовать разочарования: он проявил к ней сочувствие, чего раньше никогда не делал.

Несмотря ни на что, Юи погрузилась в новую рутину. Прошло две с половиной недели, и состояние ребенка стало почти достаточно стабильным, чтобы она могла предаться мыслям о возвращении домой.

Собственный сад, вместо идеального склепа во дворе. Заваривать чай по своему усмотрению, а не ждать в неловком ожидании слуг. Но каждый раз, когда она фантазировала об этом, налетал леденящий душу страх. Она представляла, как открывает дверь в свой дом, и обнаруживала

лишь пустоту. Слышала лишь тишину. Юи хотела вернуться в свою деревню, но она боялась вернуться домой и обнаружить, что назвать его таковым уже не сможет.

Стоял полдень; сразу после кормления ребенка, распахнулась дверь в комнату и вошли два последних человека, которых Юи ожидала увидеть: старый врач господина и знакомое лицо — доктор Макото.

— ... должен сказать, что ваша теоретическая статья об анимакулах в «Букваре» показалась мне весьма познавательной. Знаете ли вы, что некоторые из моих коллег в «Молнии» разделяют ваши взгляды? Я даже рекомендовал им вашу книгу. — Промурлыкал пожилой мужчина.

Доктор Макото рассеянно кивнул, когда мужчина продолжил.

— Я рад это слышать, доктор Танака. — Сказал он тоном человека, который не слушал и ничего не услышал.

Господин врач прочистил горло и посмотрел на Юи.

— Хотя мне, несомненно, приятно принимать вас у себя, мне очень жаль, что вам пришлось проделать такой путь, особенно через зимние снега. К сожалению, похоже, что лорд и леди были вынуждены пользоваться услугами людей не столь выдающихся, как вы.

— Ну, я бы не стал пока сбрасывать со счетов чью-то мудрость. — Доктор Макото проверил свои карманные часы, яркие и новые, как и его бледно-зелёный докторский халат, и небрежно улыбнулся: — Лотос не выбирает, где ему... — Наконец он заметил ее. — Юи-сенсей?

— Доктор Макото. — Поприветствовала она.

Что-то похожее на веселье, тихо мерцающее, поднялось при виде ошеломленного выражения обоих врачей. Этот прилив эмоций был внезапным, но не таким уж сильным (и она ненавидела это, ненавидела то, что не могла контролировать свои чувства), а потому, с небольшим усилием смогла отодвинуть его в сторону.

— Вы знаете ее? — Доктор Танака широко раскрытыми глазами переводил взгляд между ними, его щеки дрожали, и он качал головой.

— Знаю! — Брови Макото поднялись так высоко, как только могли. — Я научился у неё нескольким техникам. Она одна из лучших целительниц, которых я знаю. — Он улыбнулся. — Если она здесь, то неудивительно, что мои услуги не понадобились.

Доктор Танака начал лопотать, в то время как доктор Макото продолжил делать то, что и раньше — игнорировать его. Он прошёл мимо своего коллеги и остановился перед бывшим

сенсеем.

— А я всё гадал, почему мое последнее письмо не получило ответа. Теперь всё понятно. Мне так много нужно рассказать. Я планировал лично посетить вас для долгого разговора, но случайная встреча здесь — даже лучше!

— Да. — Пробормотала она. — Наверное.

Прежде чем он успел что-то сказать, ребенок издал крик.

— Извините. — Коно пригнула голову. — Я должна позаботиться о молодом господине. — Она поспешила выйти из комнаты, что Юи сочла несправедливым, учитывая, что это как-бы её комната. К сожалению, такова жизнь слуги — всегда освобождать место для удобства других людей.

Доктор Макото опустился на подушку на полу и жестом предложил ей сесть.

— Итак, — начал он, — как у вас идут дела?

Она покачала головой.

— Пожалуйста, начинайте вы.

Доктора Макото не требовалось просить дважды, и, ярко ухмыльнувшись, он начал рассказ:

— Я думал о том, что вы сказали. То, что вы всегда говорите. То есть о необходимости свободного обмена лекарствами и знаниями. Я надеялся внедрить что-то похожее на ваши методы в меньшем масштабе среди наших столичных коллег.

Доктор Танака издал странный звук при этих словах. Юи перевела на него взгляд, отметив в его нахмуренных бровях неодобрительное выражение, сопровождаемое недоуменным любопытством, которое возникает при выслушивании радикальных идей.

Она слишком часто видела это в своей клинике.

— И как всё прошло? — Спросила она своего бывшего ученика.

Как восприняли эту идею его авторитетные коллеги, при учёте того, что источником её был уважаемый врач-мужчина?

В ее груди загорелся огонек любопытства.

Это то, ради чего она работала. Это цель ее жизни, то, ради чего она продолжит существовать, несмотря ни на какие потери.

<http://tl.rulate.ru/book/69328/2020500>